

окно в Европу (прил.
к газ. Мариинский театр)
1995. — № 1. — с. 1

Что значит — быть звездой? С ГАЛИНОЙ ГОРЧАКОВОЙ беседует Анна БУЛЫЧЕВА

потому что эту неуловимую русскую душу, внутреннюю наполненность, которая есть у русских, не может передать никто из западных певцов”.

— Услышим ли мы вас здесь в “Тоске” и “Баттерфляй”?

— “Баттерфляй” я уже спела в Америке в трех театрах — в Хьюстоне, Лос-Анжелесе и вот только что — в Метрополитен Оперы, где у меня было четыре спектакля. Это был мой дебют в Мет. Спектакль транслировался по радио на двадцать две страны. Я получила очень большую прессу, где мой дебют отметили как один из лучших. В общем, хорошо приняли.

Естественно, мне хочется спеть ее и в своем театре.

А “Тоску” я хочу спеть в феврале. Но это зависит от того, как сложатся обстоятельства, потому что нам предстоит запись “Руслана и Людмилы” — смогу ли я, будет ли у меня время ввестись в спектакль? “Тоска” мне предстоит еще в Ковент Гарден в сентябре этого года, затем будут “Тоска” в Бастиль и “Тоска” в Хьюстоне. Мне предложили так-

же спеть ее в Метрополитен.

— А после февраля появиться ли вы еще здесь в этом сезоне — по крайней мере, до “Аиды” на фестивале “Звезды Белых ночей”?

— У меня есть время в апреле. То, что будет из моего репертуара — конечно, спойю.

— Два года назад в интервью “Независимой газете” вы сказали, что не считаете себя звездой. А сейчас?

— Я и сейчас не считаю себя звездой. Я не знаю, что такое звезда. Я не ощущаю себя звездой, я не понимаю, что можно вкладывать в это понятие. Что в человеке меняется? Если я звезда, а вокруг меня — не звезды, значит, я не должна ни с кем разговаривать? Единственное, что я могу сказать о себе — если два года назад у меня была какая-то неустойчивость, я что-то копила в себе внутренне, то сейчас я могу выразить это на сцене. Когда ты знаешь, что ты нужен, когда ты чего-то достиг, появляется свобода. Я стала свободнее и раскрепощеннее. А стать звездой? Я не понимаю, что это означает.

— С кем из импресарио вы сейчас работаете?

— В Европе я работаю с Марком Хилдрию, а в Америке — с Джакомо Строяни.

— Кого из певцов на Западе вы считаете наиболее серьезными своими соперниками?

— Вы знаете, как такового соперничества на Западе не существует, потому что когда тебя приглашают на какую-то партию, ты одна работаешь от начала до конца и не видишь, кто для тебя соперник, а кто — нет. Ты можешь только послушать другой спектакль и сказать себе: вот это она поет лучше, или: у нее *piano* лучше, или бельканто более высокого уровня, или итальянский язык более отточен, нежели у меня... Я не чувствую никакого соперничества. Ты выходишь на сцену, и публика о тебе судит. Когда меня сравнивают с Каллас и Тебальди — это очень лестно, конечно, это значит, что я иду в правильном направлении. А в Италии, когда я пела “Огненного ангела”, итальянцы говорили мне: “Оказывается, можно петь Прокофьева, как Доницетти и Беллини”. Это для меня было высшей похвалой, потому что доказать, что современную музыку можно петь так же красиво, как Доницетти и Беллини — это очень сложно. И когда в Ла Скала 1200 кларетов, которые задают тон в этом театре (они могут и осистать, и превознести певца), поднесли мне портрет Марии Каллас, когда эти старики и старушки говорили мне: “Вы — вторая Мария Каллас, мы вами восхищены, мы вас будем ждать”, — то этот “глас народа” был мне очень приятен.

— Если у вас так хорошо сложились отношения с современной музыкой, то почему вы отказались от “Катерины Измайловой”?

— У меня еще более удачно складывается итальянский репертуар — Пуччини, Верди — и я хочу поработать в этом направлении. Может быть, придет время, когда я возьмусь и за “Катерину Измайлову”, но не сейчас.

— Многие хотели бы видеть вас вагнеровской певицей...

— Нет, мне даже на Западе этого не предлагают, считая, что я в первую очередь пуччиниевская и вердиевская певица. И, естественно, русская, потому что только русские певцы могут передать русский стиль. Иностранцы не могут этого достичь. Когда мы исполняли “Евгения Онегина” в Ковент Гарден с Гергиевым, то газеты писали: “Русскую музыку должны петь только русские,

Это уже стало традицией: каждый год Королевское филармоническое общество в Лондоне называет имена “музыкантов года” — дирижеров, певцов, инструменталистов. В прошлый раз “дирижером года” был признан Валерий Гергиев. Ныне “певицей года” назвали Галину Горчакову.

— Что вы считаете началом своей мировой карьеры?

— Постановку “Огненного ангела” в Ковент Гарден. Это было в 1992 году.

— В минувшем году вы спели эту оперу также и в спектаклях Ла Скала и Оперы Сан-Франциско. Какая из двух постановок “Огненного ангела” вам ближе — та, что идет в Петербурге и Сан-Франциско, или театра Ла Скала?

— В Сан-Франциско я распрощалась с “Огненным ангелом”, потому что за два года уже спела пятьдесят представлений и считаю, что этого достаточно. Если сравнивать постановки, то в Ла Скала мне больше нравится. Она более театральная, более массивная, нежели у Фримана, чья постановка слишком модернистская. А в Ла Скала — более классический спектакль замечательного итальянского режиссера Кобелли. Фриман был тем режиссером, с которым началась моя международная карьера, однако его манера работы мне не нравилась. А вот Кобелли мне очень понравился: он чувствует именно оперную специфику. Для него оперный спектакль — это не просто драматическое действие. У Кобелли все было подчинено музыке, а не наоборот, как часто бывает: режиссура отдельно, музыка отдельно.

— С кем из дирижеров вам уютнее всего на сцене?

— Естественно, с Гергиевым. Я с ним очень много работала, досконально знаю его специфику, мне очень удобно с ним петь. Он позволяет очень много делать “от себя” — строить фразу так, как ты чувствуешь. Он не жесткий дирижер, который требует “только так, и не иначе”, даже если тебе неудобно. Он позволяет импровизировать.

Фото Юлии ЛАРИОНОВОЙ